

Валерий Иванов

**Хроники
полёта на
Марс 2078**

16+

Валерий Иванов

Хроники полета на Марс 2078

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Иванов В.

Хроники полета на Марс 2078 / В. Иванов — «ЛитРес:
Самиздат», 2000

Фантастический рассказ об отправлении русского пилота на планету Марс, и
других иностранных пилотов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Валерий Иванов

Хроники полета на Марс 2078

В парке раздавалась едва различимая, уже устаревшая песня «People of Underground». Слабый ветерок обволок Ястребова запахом распустившей сирени. Крохотные цветки свисали над тропинкой, ведущие вдоль разноцветных кустов. На одних соцветия были белыми, на других – фиолетовыми.

Сюда Ястребов зашел намеренно. Такую красоту, как он сам считал, можно было увидеть здесь, именно летом в этом парке. Хотелось наслаждаться природой. Здесь ощущался свежий воздух, здесь была жизнь.

Присев на скамью ярко-зеленого цвета из железных прутьев в виде цветков и выкрашенной виноградной лозы, он улыбнулся, подумал о каком-то пустяке, раскинув руки о спинку, обратился взором в яркое чистое небо, переливавшимися вершинами деревьев и белых облаков.

Место напоминало ему о раннем детстве. О тех годах, когда он на детском электроцикле в сопровождении родителей ехал по аллее среди высоких берез. Дорожка и сейчас на том же месте, но теперь часть ее была вымощена тротуарной плиткой для стоянок машин, и стала в два раза короче.

Ястребову вспомнилось свое отрочество, шумный и таинственный лес в деревне недалеко от Беломорья, походы по грибы, сбор диких ягод, купание в речке со смешным названием Нюхча.

Ему было хорошо на природе. Внезапно он услышал щелчок в наушнике, затем послышался голос Миссина.

– Андрей, я хочу тебе напомнить еще раз! Ты можешь отказаться от полета, пока не поздно, – Миссин, не прерываясь, продолжал. – Я понимаю, что это очень важно для тебя и страны, – тут он выдержал паузу, – особенно для страны, так как это первое внеорбитальное экипажное судно. И никто не знает, что с вами может произойти в полете на самом деле. Нет гарантии, что вы можете вернуться... – вновь появилась пауза, – ...все.

– Конечно, там есть наши спутники, зонды, и наши ученые международной коалиции полностью доверяют им... Но по информации на планете за последние десять лет существует простой в ее изучении. Андрей, ты мне как сын. Ты знаешь, что я за тебя переживаю не менее, чем твоя мама. У тебя нет семьи, но если ты летишь лишь по этому поводу... то я уверяю тебя, жизнь на Земле у тебя еще сложится. Подумай!

Вслушиваясь в голос Миссина, Андрей уловил нотку нежелания отговаривать его. Ведь все же подготовка в космонавты, полет являлись научным прорывом. Юноша знал, коллега отца и его дядя действительно относился к нему по-отечески, но, как оба энтузиаста, в самом деле они желали познать не познанное, к тому же этот полет на четвертую планету солнечной системы являлся прорывом цивилизаций всех времен. Он понимал, обязанность крестного – предупредить его. И Миссин знал и желал Ястребову: в случае удачного полета за пределы земной орбиты его подопечный через два года станет знаменит. Это немного интересней, чем простой космонавт-пенсионер, кем станет он через пять лет.

– Евгений Михайлович, я для себя я уже давно решил, – ответил Андрей.

– Ну что ж, парниша, – ласково отозвался голос, – тогда будь. И я завтра буду ждать тебя в центре.

– Буду.

Слабый щелчок дал знать, что разговор окончен.

Ястребов еще раз посмотрел на небо. Оно стало голубоватым, необычайно чистым, лишь некоторые облака, будто сказочные птицы или острова, плыли в голубом небосводе, словно

намагниченные отрицательным полем, обходя утреннее Солнце, оставляя его в одиночестве, даже не закрывая его.

«Похоже, дождя сегодня не будет», – подумал Ястребов. Легкий шелест листьев, расслабляя, успокаивал. Чтобы больше никто не беспокоил, он вынул наушник в виде половинчатой таблетки и, отключив, положил в карман рубашки.

Мимо протрусила вислоухая собака, она оглядела его грустным взглядом, вновь свесив смешную мордашку к земле, не спеша, продолжила свой путь. Это позабавило Ястребова, и он, проводив дворнягу с улыбкой, снова бросил взгляд вверх. «Спустя всего лишь какие-нибудь пару месяцев я проскочу сквозь эту голубизну, – думал он, – окунусь в пучину огромного космического моря, и уже не Вселенная, а вечность будет открыта для меня». Однако, в сравнении с тремя полетами на грузовом трайлере «Титан», про себя они называли его «сундуком», к луне, будущее путешествие казалось отчего-то все же привычным.

27 июня 2078 года Ястребов, выйдя из подъезда, похлопал по карманам, нашел электронный транспортный билет, решил воспользоваться обычным автобусом. Старенькую серого цвета «ладу-ладью» выпуска 2043 года он оставил в родном городе, в гараже. И теперь направился в центр комитета по исследованию космического пространства.

ИЦКП был основан сразу же после того, как в 2033 году на лунной поверхности была расположена радиолокационная станция, принимавшая волны до несколько сотен парсек. Еще 15 сентября 1924 года был зафиксирован сигнал, исходивший из далекого космоса с неким закодированным посланием, но вплоть до 2033 года сделать полную дешифровку не удалось.

13 сентября на другом конце родной планеты Андрей Ястребов, один из членов будущего экипажа «Паларус» вошел в кабинет дополнительной медицинской комиссии. Там ему должны были сделать контрольное подтверждение на пригодность для работы в открытом космосе.

В большом помещении было светло и просторно. Посередине, у окна, стоял прозрачный стол, за ним сидела молодая особа на металлическом стуле и что-то внимательно изучала на прозрачном мониторе. Минутой позже она оторвала взгляд от работы.

– Ну, Андрей Эдуардович, – спросила молодая врач, заметив Андрея, одарив белозубой улыбкой, – значит, на Марс?

– Да, – не замедлил с ответом Андрей.

Девушка тут же принялась что-то записывать в медицинскую карточку. Андрей отметил прозрачность ее зрачков. Производя удары за ударами пальцами по сенсорной клавиатуре, врач быстро что-то печатала, затем, нажав пальцем на контрольную клавишу, подняла бесцветные глаза. Ястребов, стоял в ожидании, он был готов ко всем неожиданным вопросам этого зачарованного взгляда.

– Ну, навигатор, поздравляю вас, – она оценивающе посмотрела на Ястребова, стараясь скрыть улыбку, отчасти в ней угадывалась надменность, – вы прошли контрольное обследование. Можете лететь, – заключила она, рассматривая Андрея, и вновь принялась за работу.

«А девчонка-то интересная», – подумал Ястребов. «Как только вернусь обратно, – решал он, – обязательно разыщу и женюсь на ней...»

– Спасибо, Жанна.

Жанна была удивлена. Оторвавшись вновь от монитора, она бросила вопросительный взгляд на астронавта, но тут же вспомнила, что с левой стороны ее халата была прикреплена карточка-паспорт, удостоверяющая личность. Молча отреагировав, она вернулась в работу. Выходя из двери, Ястребов бросил короткий взгляд на брюнетку, девушка по-прежнему была занята работой. Раздосадованный, скривив губы, он вышел.

В коридоре он встретил Янсона, в знак приветствия кивнул ему головой.

– А-а! Вот и он! – Миссин обрадовался, когда в проеме раскрывшихся дверей появился Ястребов.

– Ну, ты как, готов? – Миссин подошел к Андрею.

Миссин подошел ближе.

– Да, дядя.

– Ну, – Миссин все же надеялся, что Андрей изменит решение и останется на Земле. Все же у него были какие-то предчувствия о небезопасности полета. – Вот и славно, —
слукавил он. Миссин по-дружески обнял Андрея за плечи.

– Ну, – он решил оставить попытки отговорить его, уже зная заранее, что у него это не получится, – тогда иди. Пока на инструктаж, – сказал он по-отечески, с гордостью глядя на племянника. Он хотел одарить Андрея позитивом наступившего дня, но, чтобы тот не расслаблялся и принял его как за обычный рабочий день, старался скрыть на лице неудержимую улыбку.

– Мне с тобой потом надо кое о чем поговорить.

Андрей вошел в комнату, где проводился инструктаж.

Ему сразу вспомнились школьные годы и то время, которое он проводил в учебном классе навигаторов. Но сейчас все было не так, не та обстановка. Здесь не было никаких плакатов с историческими факторами полетов, наивных плакатов с конструкциями устаревших и новых орбитальных станций. Здесь не было той атмосферы безответственности и юношества, требованию его нынешнего положения.

Из двенадцати парт были заняты всего лишь семь, за которыми находились уже специально обученные натренированные члены будущей миссии. Андрей знал, что не надо уже сдавать никаких экзаменов, что все уже позади. Осталось лишь получить указания к выполнению задания и приняться за работу. Работу, которую еще никто никогда не выполнял или отчасти, но она была не похожа на другие. Ястребов и остальные пять человек в команде будут называться первопроходцами. Мысль о том, что пионер – это не только член любительской организации, основанная двадцать лет назад кем-то из новых комсоргов, а еще, что он является первым и единственным представителем российской новой федерации среди астронавтов, первопроходцем килопротяженных космических путей.

Будущие пилоты «Паларуса» обратили внимание на появление русского астронавта. Здесь был афроамериканец Янсон, великобританец тридцати одного года; американка Джоанна Линдау, сейчас ей двадцать четыре года, дочь профессора по аэродинамике, недавно начавшего работать в том же здании, где находится и центр полетов. В тринадцать лет она с родителями переехала в Хабаровск. В семнадцать лет после курсов навигаторов поступила на высший пилотаж космических полетов при НАСА, где, окончив с отличием несколько программ, стала космонавтом-теоретиком.

Андрей Волон, француз, был замещен вместо корейского космонавта Джей Лао, которого внезапно отстранили перед началом полета. Также в классе подготовки, за третьей партой, справа, у стены находился итальянец Доминико с французской фамилией Луалазье.

– Итак, господа, – начал речь на русском языке куратор и руководитель полета Франсуа Ловье, как только Ястребов занял свободное место за партой. – Всем вам предстоит выполнить величайшее в области космической науки и истории задание и путешествие на отдаленный от нас иной мир. Но, право, я не знаю, как сказать.

Ловье казалось, был взволнован, что было удивительно для этого твердого духом человека.

– Будет ли вам рад этот мир: песчаники, кратера, горы – все, чем полна дальняя планета, дальний мир.

Его речь, казалось, будет длиться вечно, но она была очень необходима молодым навигаторам, и каждый старался вникнуть в его слова, так как эти слова могли быть для них последними следующими из указаний учителей.

– ...итак, через два часа наступит обратный отсчет, – заканчивал Ловье свою речь, – работы на этот раз, вашей, по-новому скомплектованной команде предстоят необычные. Ну что еще... – было заметно, что куратор волнуется, но ему было необходимо провести небольшой экспромт перед дальним полетом, – космический полет займет пять с половиной месяцев. И Марс совершенно для вас будет другой, неизвестный. Это значит, что не просто эта планета находится в пятидесяти миллионах километров от Земли или работа на лунном кратере. Эти первые шаги на поверхности планеты, которые предстоит сделать именно вам, друзья. Вспомните Гагарина, Армстронга – наших первых выпускников в космическое пространство. Но перейдем к вашим непосредственным задачам.

Никто не заметил, как Андрей иронично улыбнулся: француз забыл упомянуть о Белке со Стрелкой.

Ловье был одет в черный военный костюм. На левой стороне его груди отсвечивали две нагрудные медали. Он опирался ладонями о стол, рассматривая едва различимые лица. В классе подготовки под потолком горели только две тусклые длинные ионовые лампы, свет которых приглушался экраном с высвечивающимися на нем картами и числами.

– Миссия, господа, займет двести семьдесят пять дней, включая полет. Прошу извинить меня, господин Ястребов, но я хотел бы закончить, – куратор прервал одного из пилотов, заметив тянущуюся вверх руку, – и если у присутствующих появятся вопросы, то я обязательно на них отвечу.

– Итак, – продолжил Ловье, – после окончания работ на обратном пути на Землю вы должны катапультироваться при срабатывании датчиков слежения вашей катапульты, в районе Аравийского моря.

Ловье повернулся боком к визуализационной карте, находившейся за ним.

– Все будет хорошо, когда автоматика сработает вот в этой точке, – он слегка прикоснулся пучком света лазерной указкой к экрану еще раз, повторив координаты приземления.

– И по возвращении домой... – он снова обратился в сторону пилотов, на его лице появилась едва заметная улыбка, закончил, – вас ждет успех.

– Да, господа, я должен дополнить, что полет сокращается на два месяца. Потому как наши психологи подсчитали, что получается, при задержке в пространстве больше срока независимо от проводимых проверок испытуемых в изоляции людей, превышает норму. Мы сдались, – очки Ловье отсвечивали отражение тусклого света комнаты, как два маленьких продолговатых прожектора, – поэтому срок вашей командировки уменьшился. Однако, —

его южноафриканское лицо вновь озарилось дружелюбной улыбкой, – это никак не отразится на вашей зарплате. Далее...

Ловье стал всматриваться в зал.

– Что вы хотели спросить у меня, мистер Ястребов?

– Да нет, сэр, спасибо, вы уже ответили на мой вопрос, – в словах русского астронавта сквозила нотка сарказма. Андрею никогда не нравилась европейская холодная надменность и слово «сэр» обозначало для него подчиненность. Сам Ловье для Ястребова был недостойн его благосклонности. Он походил на тех напыщенных офицеров, где Андрей проходил курсовую подготовку к полету, попав туда сразу после школы. Русскому человеку было проще, когда к нему обращались просто по имени.

На минуту Андрею вспомнилась подготовка в Иллинойсе. Рядом американцы, немцы, австрийцы, но единственный, симпатизировавший ему из европейцев, был простой итальянский паренек Фредерико, к несчастью, он чем-то заболел и был вынужден покинуть школу.

Ястребов отвлекся от воспоминаний, Ловье принялся зачитывать фамилии:

– ...мистер Ястребов, географ-планетолог, должность – навигатор «Паларуса». Второй пилот, мистер Янсон, военная инженерия. Третий пилот, Джоанна Линдау, должность – микробиолог и, как биолог по образованию, является судовым медиком. Четвертый, астронавт Доми-

ник Луалазье, лингвист, должность – культуровед. И, наконец, пятый член экипажа, пилот Андрей Волон, бортовой инженер. И небольшая формальная поправка: все записи аттестации, должности, документы руководства, обязанности при вынужденном отсутствии пилота Джей Лао перелаживаются на Майкла Янсона...

После не большой паузы и дальнейших рекомендаций Ловье еще раз внимательно оглядел стоявших за партами людей, сняв очки. Малоознакомые для присутствующих пилотов ярко-зеленые глаза куратора выглядели усталыми.

Франсуа Лавье, пятидесяти четырех лет. Однако этот человек выглядел довольно-таки моложе своих лет: подтянутый, похожий на пехотинца. Не как обычные орбитальные ученые, ушедшие на пенсию, а как квалифицированный третьего класса пилот с мудрым взглядом. Обычно таких представляли в героических фильмах как старейшинами легионов.

– Ну вот, – вздохнул куратор, – пожалуй, и все.

Грустная нотка во взгляде его быстро исчезла.

– Прошу, друзья, всех следовать в кройкамеру, оттуда вас отвезут прямо к космолету, — сказал все, так же дружелюбно улыбаясь и обнажив белые зубы, Ловье.

Легкий микроавтобус Fuintika по шоссе дороге доставил астронавтов на новую станцию «Велес».

В одном из мексиканских штатов на севере страны был создан космический полигон для дальних космических полетов. В США после падения доллара некоторые части капиталистической империи разделились на жилые комплексы, а остальные отошли к местам, где располагались небольшие челноки для орбитальных полетов, используемые, в частности, для турполетов. После природных катаклизмов и частых наводнений в северной части Европы, усилившиеся с 2008 года, политологи-географы и другие ученые деятели стали объединяться в народные союзы для предостережения неугодных планетарных явлений.

К 2115 году один из этих блоков планировалось направить для работы на луну. Такими являлись НС (научные содружества), работали они как единая обсерватория по изучению планетарных земных явлений и космических исследований, включая такие явления как стремящиеся до сих пор к Земле тела в виде метеоритов и комет.

Такая научная программа стартовала сразу же после того, когда пятьдесят лет назад Земля почувствовала всю мощь влияния большой кометы. В 2028 году произошло масштабное разрушение большинства европейской части Земли. Внеорбитальное тело, в диаметре чуть меньше половины диаметра луны, пронеслось со скоростью в 700 км/ч, наибольшее влияние принесло на юго-западные части планеты и грандиозные катаклизмы и разрушения половине человечества.

Некоторые из стран, находясь в стороне от централитета, разбились на объединения. В одних из которых присутствовал дух новых буржуа, такие как Иран и Израиль, были заинтересованы только своей прибылью и занимались лишь одной торговлей. С юга из-за новых вспышек эпидемий и революций к 2052 году Палестина вообще закрыла свою границу, объявив себя суверенитетом.

«Паларус», космический челнок. В отличие от первых орбитальных моделей девяностых годов прошлого века, выглядел иначе. Больше стало сильночувствительной аппаратуры, также благодаря нанотехнологии российской индустрии, когда еще начиналось ее развитие в начале XXI века. Никто и не предполагал, что эта наука будет способствовать дальнейшему и блестящему изучению солнечной галактики, а так же мест за ее пределами. Благодаря российским ученым обшивка корабля была из легких сплавов, что позволяло развить большую скорость. Сама конусовидная форма корабля больше напоминала аэроплан, выступавшая на не большом расстоянии от «дорожки», – так шуточно называли между собой космонавты держатели ракет, считая стропы дорогой вверх.

Для Андрея все было обычно, однако произошли изменения в усилении журналистов-телерепортеров, в сравнении перед полетами на спутник Земли, их количество умножилось. Значительно увеличилась численность зевак. Кто-то прибыл специально с других уголков мира, чтобы запечатлеть для себя исторический момент.

По периметру полигона не было ограждений, ни одного ультразвукового столба. Толпа удерживалась живым ограждением полиции. Откуда-то из толпы раздавались голоса пикетчиков, людей недовольных новыми изменениями правительства. Среди собравшихся зевак нередко появлялись разноцветные плакаты, но благодаря дежурным, наблюдавшим за порядком, тут же исчезали. Ястребов стоял на трапе. Он заметил, как вдалеке двое из дежурных оттесняли среди собравшегося народа какого-то человека, схватили и потащили беднягу к полицейской машине.

Следуя в шлюз третьим за Джоанной, Ястребов долго не мог забыть задержанного мужчину.

«В чем, интересно, провинился этот бедолага», – думал про себя Андрей.

Он зашел в узкое помещение со спецоборудованием.

«Видимо, политический режим настолько отстает ... хм, – ухмыльнулся он, – но еще каких-то сто лет назад аббревиатура была такой же, как сейчас, не хватает только одной буквы. Впрочем, такая новая расшифровка даже звучит: содружество стран России, хм. А раньше...»

– Джоанн, – он обратился к девушке, – вы не помните, как раньше, при коммунизме, расшифровывалось СССР? Союз... как дальше?

Согласно численному расчету астронавтов, уже находилась в третьей криокамере по левую сторону от Ястребова. Переговорное устройство располагалось внутри шлема возле рта, позволяя вести переговоры, как с Землей, так и с экипажем.

– Откровенно говоря, я не знаю, Андрей, – Линдау мало интересовалась историей России.

– Это была страна советов, мой мальчик, – в ушном микрофоне послышался отеческий голос Миссина. – Союз Советских Социалистических Республик, Андрей. Когда он разваливался, в то время родился как раз мой отец.

Связь с кораблем шла из разных частей планеты, мировое наблюдение за полетами велось из ЦУП США, России, Японии, Бранденбурга.

Должности командира не было, но ответственность за состояние корабля, как и экипажа, по решению руководителей возлагалась более опытному. Вместо назначенного на должность старшего корейца Лао, был назначен человек из стратегической базы. Как старший экипажа, Янсон вел переговоры с кем-то из руководителей полетов.

Сквозь прозрачные капсулы можно было видеть, как снаряжены каждый из членов полета. Астронавты были одеты в одинаковые корабельные комбинезоны (ТИК – тепловой изоляционный костюм для космических полетов), различаясь лишь маленькими флажками на воротнике, места рождения, с нашивками фамилий и имен на груди. Ястребову было хорошо видно шевеление губ старшего в экипаже, находившегося напротив него в метре, он вел передачу с центром управления.

Внутри криокамеры зажегся светодиод, предвещающая отсчет времени. Как и ожидалось, послышался женский голос. Андрей заметил, что этот голос был более мелодичный из всех ему знакомых.

– Наверное, она очень юна, и ей, наверное, только исполнилось двадцать лет, – подумал он и улыбнулся, и попытался представить почему-то веснушчатую брюнетку с хвостиком.

– Добро пожаловать на борт корабля «Паларус», – продолжал приятный голос, – на протяжении полета, в течение месяца, вы будете находиться в искусственном сне, поддерживаемом криокамерой. Ваш биостатус будет контролироваться. Удачного вам полета.

Минуты через две тот же голос вновь зазвучал в каждом из наушников пилота.

– Прошу приготовиться к старту. Старт будет дан через десять секунд, девять, восемь, семь...

В этот момент Андрею вспомнился полет на вертолете, над разлившейся и оледенелой рекой, он, тогда летел к своему товарищу. Это место находилось где-то под Архангельском. Поселение, где жил друг, осталось нетронутым разливом воды. Почему-то вспомнился Днепрпетровск, там жила его тетя, которую он иногда навещал в краткосрочные отпуска.

– Четыре, три... – голос словно терялся где-то в полутьме.

Последний отсчет он уже не слышал, в этот момент Андрей крепко спал. Оператор досчитал последние секунды, и стопоры отпустили, нетерпеливый и тут же взвившийся в голубую бездну носитель космического корабля...

В центральном управлении все замерло. Через несколько минут локатор, наконец, показал путь перемещения объекта. Бортовой компьютер судна передал о стабильном жизнеобеспечении экипажа корабля. И после недолгого обсуждения о том, как удачно был запущен первый космический аппарат с людьми в сторону четвертой планеты, все, кто находился в большом зале с мониторами, понемногу успокоились.

Миссин, как и остальные ученые, остался продолжать наблюдать за полетом.

На кухне раздался мелодичный звонок. Анна Михайловна подошла к телефону, висевшему на стене, и нажала на кнопку блокиратора.

– Да?

– Здравствуй, сестра, – в динамике она услышала голос Миссина, – вот хотел бы рассказать тебе, как ты и просила. Прошло три дня, и пока все без изменений, то есть, Аннушка, все в порядке. Древние племена инков бы сказали «халлями!».

– Ой, Женя, спасибо, что позвонил, а то я новостям не очень-то сейчас и верю. А сам-то приехал бы как-нибудь, посидели бы, поговорили.

– Нет, Анечка, спасибо. Я сам сейчас в центре. Мы сутками дежури́м, ну, – Миссин не предполагал, что так долго будет задерживаться на работе, – как и предполагалось. Но через месяц будет усиление, потому что произойдет кардинальный период полета экипажа и потребуются свежие силы для наблюдения. Они должны выйти на связь, так я освобожусь на недельку и к тебе первым же рейсом. А так буду звонить, спрашивать. Как ты сама, хорошо? – Миссин не хотел рассказывать о том, что экипаж может не выйти на связь, как в нужный момент, так и в последующее время. Потеря корабля была бы грандиозной утратой не только для Земли, но и колоссальной болью родственникам погибшего экипажа космического корабля.

– Конечно, Женя, звони, я буду ждать.

– Да, скажи, как Тори?

– Да все в порядке. Моя соседка как узнала, что у меня появился пес, тут же решила, что будет приносить ему косточки или что-нибудь из еды.

– Ну, хорошо, до свидания Анята. Еще созвонимся.

– Хорошо, Женя, звони, до свидания.

В двадцать один час, три минуты, две секунды первый межпланетный челнок «Паларус» вышел с орбиты Земли. Его космический маршрут был направлен к Марсу, планете солнечной системы.

Спустя тридцать дней с момента запуска корабля, внутри каждой из капсул, где в искусственно поддерживаемом сне находились пилоты, поочередно зажегся инфракрасный легкий свет. Постепенно в звездолете загоралось внутреннее освещение. Поочередно криокамеры возвращались в вертикальное положение. Освобождаясь от замков, выпускали кислородную смесь, преобразуя в шипящий пар.

Первым, кто открыл глаза, был Луалазье. С трудом, выйдя наружу из камеры, удостоверившись в том, что гравитация равнялась норме, он первым делом проверил работу других капсул. Все было в норме. Осталось пройти в рубку и проследить за работой навигации.

После установления контакта с Землей в главном отсеке Янсон решил собрать весь экипаж.

– Значит так, господа, – говорил он на установившемся за тридцать лет международном русском языке. Но пробивавшийся акцент напоминал о инозвучии, родной язык его был английский.

– Из шести намеченных месяцев полета в бодрствующем состоянии, я имею в виду обычный рабочий распорядок на корабле, придется провести четыре, остальные два в анабиозном состоянии, то есть в искусственном сне.

– Ну, – Янсон замешкался, – один-то мы уже...

– Вот как, – бросил шутку Ястребов, – а я уже думал, нам тут от скуки придется завянуть, как сардинам в консервной банке.

Крутясь в кресле пилота, он заметил, как Линдау отреагировала на его дополнительную шутку едва заметной улыбкой.

– Уже трое суток прошло, а мои конечности до сих пор как в сиропе, – с иронией сказал Ястребов.

– Non bene ho sonno. Sì, esattamente.¹ Хотя я и первым проснулся, мои ноги, словно тампоны, – сказал Луалазье, желая что-нибудь сострить, но ни у одного не появилось даже улыбки на лице.

– Ну так, Домин, попробуй, сделать физзарядку. Вас в центре подготовки всяко учили, что делать в подобных ситуациях? – пошутил Ястребов.

– Конечно, мы занимались спортом, каждый день уделялось по два часа на бег, упражнения для рук, ног, на упражнения от затекания мышц.

– Для рук, для ног, говоришь, а для головы? – сказал Андрей, сдерживая улыбку.

– Не понял? – удивился итальянец.

– Ну, постоять, например, на голове? – Ястребов заметил, что тот не уловил его шутки, – походить вниз головой, например.

Андрей сделал серьезное предложение, чтобы вывести оппонента из непонимания.

– Quindi, non avrebbe. Это бесполезно, Андрей, – Луалазье принял шутку Андрея за чистую монету, – пусть даже при частичной невесомости в десять атмосфер, это бесполезно. Кровь может застояться в венах. Другие фигуры можно делать при частичной невесомости более шестидесяти атмосфер, но не более пятнадцати минут. Иначе, – на лице итальянца появилась улыбка, – может получиться кровоизлияние, как при первой стадии невесомости.

Подпитал информацией русского итальянец.

Ястребов, выслушав коллегу, не знал, что ответить. Отвечать на заумность друга он не решился, терять времени на первые и не первые уже дни полета не хотелось.

– Это вам Джоанн так сказала? – Ястребов все же не удержался от сарказма.

– Нет, это мое личное мнение, – ответил итальянец.

– У-у брат, да у тебя, я вижу, нервишки. Ничего, полтора годика на Марсе среди пяти человек, в общем, это тебе не в казарме с ее марш-бросками.

– È, russo, sempre in dubbio in italiano logic,² – без злости отшпарил Луалазье, – я был в армии, – добавил лингвист, защищая себя.

– Полгода?! Друг.

¹ Так дело не пойдет.

² Вы, русские, всегда сомневались в итальянской логике.

– Шесть месяцев, – с гордостью утвердил итальянец. – У нас идут в армию, чтобы отдать долг. А не по принуждению...

Луалазье хотел задеть по самолюбию российского пилота, но того трудно было чем уязвить. В рубке снова появился Янсон.

– Господа астронавты, – сказал он.

– Предлагаю что-нибудь перекусить, на камбузе, потом, кто захочет, может отдохнуть. А завтра будет рабочий день. И 6 октября по полудню у нас отчет на Землю о проделанной работе. Я имею в виду телеэфир экипажа с Землей.

Янсон имел мощное телосложение. Нижняя губа его чуть была больше, что по физиогномике представляло натуру упрямую, однако, и любвеобильную. Приплюснутый большой нос Янсона говорил о его добродетели, уши без мочек. Острый взгляд. Все говорило о мудрости. Луалазье полностью противоречил старшему члену экипажа. Они сходились лишь в остроте внутреннего восприятия.

– Это очень важно, – воодушевленно произнес итальянский ученый, – этого никак нельзя пропустить.

У Луалазье после разговора с Ястребовым заметно поднялось настроение. Однако лингвист был скорее скептик, чем острослов, что, впрочем, было очень заметно.

– Представьте, нас увидят миллионы землян тогда, когда мы находимся в миллион миль от родной планеты.

В его словах улавливалась нотка грусти.

– Не переживай, Домин, меня не бывало дома по полтора года, и ничего. Всегда возвращался обратно. Я нес службу даже без отпуска, представляешь, Дон? – сыронизировал Ястребов, хотя у него не было никакого желания шутить. Но итальянец не понимал русского юмора.

– Вот вернешься, женишься, – Ястребов старался приподнять настроение Луалазье, расплываясь в дружелюбной улыбке. Он перевел взгляд. Напротив него за столом сидела Джоанн.

– У меня нет невесты. Questa tenuta, сеньор.

– Что же так?

Ястребов отправил в рот последний кусок сардельки и через трубочку хотел попить остывший кофе.

– Это долгая и, я считаю, неинтересная история, – итальянский астронавт доел котлету и закрыл обеденный контейнер.

Ястребов заметил, он не дотронулся до стаканчика с кофе.

– Все же, что дальше?

Ястребов, как и остальные члены экипажа, закончив трапезу, молча ждал, что скажет Доминик.

Корабль двигался в оперативном режиме. Времени на разговор было теперь предостаточно. Кухонный блок включал стерилизованный воздух, здесь можно было даже затянуть немного ароматизированного дымка.

– У нас много времени, амигос, и если тебя что-то беспокоит, лучше, я думаю, рассказать. Это поможет, я тебя уверяю.

– Но у нас тут нет элементарных для этого вещей, – сказал, притворяясь изумленно Луалазье.

– Чего же? – удивился Ястребов.

– Ну, – задумался итальянец, вспоминая русские посиделки, – кружечки пива, например, – улыбнулся Луалазье.

– Э, брат, ты просто отвлекаешься, – заметил астронавт. – У нас в России это можно и без стакана, просто поговорить по душам.

– По душам? – Луалазье внимательно посмотрел на русского. Он отогнул кусочек трубки и глотнул кофе.

– Вообще-то она очень хорошая девушка, – сказал Дон.

– Не сомневаюсь, – Ястребов заметил, что итальянец идет на контакт, – что дальше?

Россиянин заметил вакуум в разговоре и, чтобы не потерять из виду «пациента», решил, не напирая, продолжить с ним беседу.

Такое состояние изучалось на психологических курсах. Человек за время долгого проведения в открытом космосе мог потерять контроль над собой, и личность превращается во что-то вроде пространства, которое не живет, а проводит существование. Ученые по парапсихологии считают, что в невесомости при малой работе мышц такой процесс происходит при учащении работ фагоанимов, в биоинженерии это называется снижением энергии, вырабатываемой генами. Что приводит к застою этой невидимой невооруженному глазу субстанции энегеники. В быту это хроническая усталость, депрессия.

Луалазье не спешил, он сделал еще несколько глотков уже успевшего остыть в пластмассовом стаканчике кофе.

– А что дальше?! Она вышла замуж, моя вина лишь в том, что я скрывал свои чувства... это моя вина.

– Э-э браток, это ты так думаешь, а вот послушай, а если бы она согласилась быть с тобой?..

Андрей Волон, который все это время молча сидел, доедал свой обед, встал из-за стола, впихнул свой пищевой контейнер в бак для мусора. Вышел из кухни.

– ...если бы она очень хотела, то ни за что бы, слышишь, ни за что бы не променяла тебя на другого человека.

– Вы так думаете, Андрей?

– Просто, Андрей, – Ястребов одарил собеседника дружелюбной улыбкой, пожелав сделать союзником коллегу из другой страны. Он знал: за многие тысяч миль от Земли разговаривать по-светски в условиях ограниченного пространства обоим будет нелегко, тем паче, что у итальянца по всем меркам уже наступала «космическая депрессия». Необходимо было скорей выводить парня из этого состояния, впереди чужая планета и невиданная человеком природа.

– Мы в одном эшелоне, в одном «рюкзаке» или, чтобы тебе было понятнее, в одной команде. Оставь эту фамильярность, друг.

– Просто Андрей? – на лице итальянца появилась улыбка. – Окей, просто Андрей.

Луалазье допил содержимое стаканчика и направился к выходу. Он решил принять душ, а затем вновь приступить к своему очерку. Лингвист вел дневник. За время всего полета он решил записывать свои мысли, нумеруя их ежедневно.

– Вы хороший психолог, Андрей, – заметила Джоанна Линдау, когда мужчина и женщина остались вдвоем.

– Нет, что вы, синьора, простите, мэм.

Ястребов решил сосречь, сделав вид, что запутался в словах.

– Мисс, – поправила она.

– Что? Ах да, простите, мисс. Просто, как и у Луалазье, у меня схожая ситуация, – Андрей неожиданно для себя решил открыться девушке.

Линдау удивленно посмотрела на Ястребова. Он никак не давал повода другому человеку подумать о том, что у него могли бы быть проблемы в отношениях с женщинами.

– Он и я – мы оба не женаты, хотя нам уже по тридцать четыре...

Линдау притворилась, что понимает его и сочувствует.

В рубке челнока было тесно, но никто не жаловался. Над панелью управления был вмонтирован небольшой экран для связи с Землей. В своих креслах находились первый, второй и пятый пилоты. Позже к ним присоединилась Джоанна Линдау и лингвист Доминик Луалазье. Они подошли по просьбе Янсона в то время, когда началась трансляция из ЦУПа.

– Здравствуйте, дорогие друзья!

На экране появился силуэт Джека Якобсона, в некотором смысле руководителя полета. Он был первым человеком после куратора, в своем образе так и неизменно он носил белую остроконечную бородку.

– Начну с того, что мы рады вас видеть здоровыми и невредимыми. Вы, мистер Янсон, как я вижу, даже побрились, – пытался шутить Якобсон, так как люди, сидевшие перед экраном, были очень серьезны, – и в полном порядке. Ну, к делу.

– Завершается ваш четырехмесячный, я бы сказал, дрейф, в глубинах космоса. Теперь, господа, будем настраиваться на работу. Работа на самой загадочной из планет нашей системы – красной планете. Это центр вашей миссии... Вот, что вас ожидает, друзья мои, – Якобсон, казалось, напряг скулы, пытаясь скрыть улыбку. Его радость за первопроходцев с трудом сдерживалась. По ту сторону экрана не было видно, как он разводит руками.

– Второе, – продолжал Якобсон. – У меня есть сюрприз для одного из членов вашего экипажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.